М. К. Голованивская

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13–14, Москва, 119991, Россия
golovanivskaya@gmail.com*

АБСОЛЮТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ И РУССКИХ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Статья посвящена контрастивному анализу категорий добра и зла во французском и русском менталитете. Эти категории относятся к базовым мировоззренческим категориям. В формировании этих понятий «участвуют» и мифологические субстраты, и философские системы разных эпох, и религиозные доктрины. Результат исследования показывает, что на русские представления о добре и зле наибольшее влияние оказало христианство, в то время как на французские – античность. Это определяет особенности всех производных понятий.

Ключевые слова: бинарный миф, история языка, христианство, античность, менталитет.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы уточнить некоторые положения, высказанные в предшествующих работах автора, акцентировать ряд идей в современном культурном контексте и расставить новые смысловые акценты с учетом новых реалий межкультурной коммуникации. Достижение этой цели предполагает многочисленные пересечения и переклички с ранее высказанными мыслями автора, в частности в монографии «Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты в представлении французов и русских» [Голованивская, 2009. С. 149–257], однако приводимые уточнения носят существенный характер и достойны детального изложения.

Добро и зло – понятия осевые, системообразующие. За ними плюс и минус, бинарность, антонимия, через которую мы систематизируем мир и оцениваем его, наши «да» и «нет». Верх и низ, бог и человек, высшее и низшее, земное и небесное – эти дуалии представляют собой остатки наидревнейших мифов, обнаруживающих удивительную универсальность от народа к народу. Без этих категорий невозможно представить себе этику, мировоззрение как таковое. Вдоль обозначенных осей можно расположить множество других понятий самого разного толка и уровня обобщения – мужчина и женщина, здоровье и болезнь, свет и тьма, свои и чужие, хищник и жертва и т. д. Разделяя мир через оппозицию, через противопоставление, мы нередко очерчиваем и свой мир, маркируем свою принадлежность, определяя тем самым всю свою мировоззренческую парадигму.

Как же мы и французы трактуем понятия добра и зла? Обратимся к сопоставлению указанных понятий, сравним понятия *добро* и *зло* с соответствующими французскими *bien* и *mal*.

Как уже было упомянуто, мы видим здесь не столько синонимические ряды, хотя они налицо – *добро*, *благо*, сколько антонимические пары, рудименты тех самых древнейших оппозиций, за которыми скрываются близнецы мифы [Иванов, 1980; Штернберг, 1936].

Голованивская М. К. Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских о добре и зле // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 77–87.

Посмотрим на современные философские дефиниции изучаемых понятий: «...это нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой – нравственно отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей» [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Но разнотолков в интерпретации добра и зла в истории этики начиная с древности было предостаточно. Материалисты усматривали тут связь с прямыми потребностями людей, с законами природы (натурализм), с удовольствием или мучением (гедонизм), с социальным эффектом того или иного действия или проявления. Идеалисты же связывали понятия добра и зла с божественными началами, а извечный их конфликт помещали в плоскость метафизически-онтологическую [Кузнецов, 1961]. Важно отметить, что в естественном языке, отражающем сознание, а не доктрину, присутствуют и первое, и второе без всякого внутреннего конфликта или аллергичности. Рацио тут молчит или бессильно отступает: исторически сложившиеся непримиримые подходы в эклектичном сознании уживаются гармонично. Происходит этого потому, что воображение и миф в большей степени определяют область сознания, нежели вытянутые в логическую последовательность догмы, как того требуют продукты философской и логической рефлексии [Уемов, 1985].

Русское представление о добре и зле

В славянской мифологии мы не находим никаких «предпосылок» для формирования русских понятий добра и зла. Происхождение слова *добро* достоверно неизвестно, но, по одной из версий, оно возводится к праславянскому корню *-dob-* [Черных, 1994. С. 214], который был связан первоначально с идеей времени. Производные от него слова, обнаруживаемые в современных текстах и словарях, стали появляться с XVII в. и восходят уже к семантике «добротности, доброкачественности, годности».

С новым в европейском историческом смысле временем связана также и мифологизация понятий добра и зла, в результате которой зло стало отождествляться с сатаной, Люцифером, а интерпретации добра мотивируют его связь с Богом. При этом важно, что дериваты с семантикой «сострадательности, милосердия» появляются намного позже первых, и это дает нам серьезные основания говорить о том, что современные понятия добра и зла являются относительно новыми, в историческом времени они еще совсем молодые. Это значит, что их можно трактовать как специфическое проявление мышления и сознания именно современной европейской цивилизации. Ее начало, с учетом мнения многих культурологов (см. [Griffith, 2011. P. 241], следует датировать концом XVIII в., тем периодом в европейской истории, когда атеизм приобрел черты самостоятельного философского течения с хорошо очерченной повесткой.

Эти выводы не дезавуируют, однако, гипотезы об исконной древности, самой оппозиции, обозначенной нами ранее как плюс и минус.

Первое значение слова *добро* имеет вещественную семантику. *Добро* мыслится, прежде всего, как имущество, достаток. Но его взаимодействие в речевой деятельности с синонимом *благо*, *добро* придает ему этически значимый оттенок значения. Даль уже отмечает в своем словаре этический характер понятия: *добро, благо* – это то, что добыто честно, что требуется от нас самим долгом человека и семьянина, что идет на пользу гражданскому обществу. Отсюда и возникает его противопоставленность, противоположность *худу, злу* [Даль, 1955]. Намек понятен: если имущество нажито честно, то это хорошо, одобряемо, ждать худы не следует, – от этого оно, это честно нажитое, и называется *добро*. Но если дело было, как теперь говорят, непрозрачным, то *добра* не будет ни в прямом, ни в переносном смысле. *Добро* на протяжении нескольких веков содержало в своем значении отчетливый гражданственный оттенок, это то, на чем держится, стоит Россия-матушка, и именно потому это слово в школьных букварях было поставлено в соответствие пятой букве алфавита. Добрый человек, по свидетельству Владимира Даля, – это человек «дельный, сведущий, исправный, добро любящий, добро творящий, а также мягкосердный, жалостливый и иногда слабый умом». Доброта же – это соответствующее качество человека, относительно которого Даль приводит следующий афоризм: «Доброта без разума пуста».

Сталкиваясь с далевским сближением добра и слабого ума, современный носитель русского языка может проявить непонимание. Пояснение, очевидно, следует искать в истории того характерно русского понятия, которое именуется юродством: юрод часто именовался *дураком* (см. слав. *оуродъ* – *дурак, безумный* [Иванов, 1994]), так как действовал постоянно без всякой корысти и даже намеренно вопреки ей, тем самым совершая нечто вроде подвига религиозной природы.

Возвращаясь к современному значению, нужно непременно подчеркнуть, что, во-первых, современный язык полностью утерять СОЦИАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ гражданский «далевский» аспект значения этого слова, и, во-вторых, в современном узусе понятия *добро* и *благо* существенным образом отделились друг от друга. Что же касается прежней ассоциации понятия *добро* со слабоумием, то в нынешнем употреблении языка она совершенно отсутствует.

Понятия *добро* и *благо* были описаны в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [1995] под редакцией И. А. Мельчука и А. К. Жокловского, и принципиальные моменты этого описания таковы. Синонимы *добро* и *благо* имеют в качестве главного семантического признака полезность людям. Но они характеризуются и важными различиями. Сформулируем их так: *добро* – это нечто абсолютное, *благо* же относительно; *добро* наделено в сознании человека этической ценностью и связано с проявлениями его доброй воли; *благо* же не относится к этическим категориям, а представляет собой некий положительный результат, венчающий исход предприятия. Поэтому в отличие от *блага* *добро* приобретает статус высшей нравственной ценности. Оно представляет собой некий абсолют, изменение представлений о нем может быть только результатом слома всей ценностной шкалы общества. Ипостаси *добра* многоплановы: они могут быть и рациональными, и нравственными, и интуитивными. В противовес ему в понятии *благо* преобладает рациональное начало. В *добре* важно душевное движение, душа через добро обретает бессмертие, для *блага* же – область рации. *Добро* и *благо* ориентированы на несовпадающие ценностные шкалы и судят их разные субъекты: о благе толкует людской суд, опрокидывающий факт или деяние в область прагматики, подобно представлениям о справедливости и правде, а *добро* приближено по своему бытованию к понятию *истины* – тут речь идет об абсолютах, о божественной оценке мирского бытия. *Добро* – абсолютная ценность, абстракция высокого уровня.

Со всей очевидностью вычленяются два вида *добра* – как таковой абсолют и признак, характеристика, этическая оценка нравственного поведения человека.

Русское слово *добро* сочетается семантически так:

- добро делают, настраивают на добро, несут, добро приносят, его творят, сеют и пр.;
- добро живет в человеке, разлито в мире, укореняется, дает всходы, разрастается, ходит по свету, добро может бороться со злом, оно может брать верх, ретируется перед грубой силой, побеждает, торжествует и т. д.;
- силы добра, к добру призывают, добра желают, добром отвечают на добро (зло), довести до добра;
- царство добра, империя «добра» (как антоним империи «зла»), плацдармы добра,
- сила добра, свет добра, взаимная проницаемость добра и зла,
- добро должно уметь себя защищать (быть с кулаками),
- что-то не кончится добром и пр.;
- дитя добра и света, свет добра, озаренный добром и пр.;
- проявляется, растворено в каждом поступке.

Рассмотрим подробнее образы, стоящие за этой формально-семантической сочетаемостью.

1. *Колос / сорняк*. Очевидна растительная коннотация понятия – добро *сеют*, оно *укореняется*, *дает всходы*, его *жнут* и т. д. Есть основания предположить, что базово за этим понятием стояло что-то типа колоса, в ряде контекстов синонимичного (хлеб) жизни. Культ хлеба у славян, обожествление его, использование образа хлеба в молитвах («Хлеб наш насущный дай нам днесь») подчеркивает его божественное происхождение, табуирует дурное обращение с ним. Такая ассоциация гипотетически могла бы считаться базовой и системной, ибо наличие у него смертоносного и вредоносного антипода сорняка, ассоциированного со злом (мы увидим это дальше: см. *вырвать зло с корнем*) – лишнее тому подтверждение.

2. *Имущество*. Определенное, овеществление: *добро делают, несут, принимают, отвечают добром на добро*. Эта коннотация мотивирована одним из значений, которое описал В. Даль.

3. *Солнце*. Развитие ситуативного поля вокруг коннотации растение – хлеб: солнце – урожай – хлеб – жизнь. Добро дает жизнь (хлеб), оно *светит, согревает, озаряет, освещает путь* и т. д.

4. *Вода* мифологически связана с душой, эмоциями, чувством и в конечном счете опять же с жизнью (жизнь вышла из воды, растению вода нужна не меньше света, гибель часто ассоциирована с засухой, пустыня – место, где жизни нет). Отсюда животворящее добро: *добро разлито в мире, волны добра, добрые чувства захлестнули его, добро растворено в каждом его поступке* и пр.

5. *Войско*. Представление *добра* как системы сил происходит из христианства и является одним из производных христианского мифа. Можно представить себе метафорическое «армия добра», ассоциированное с «силы добра, силы света» в противовес «армия зла, силы тьмы».

Отметим некоторые особенности связанного прилагательного *добрый*. *Добрый* (о человеке) значит: *способный давать безвозмездно, умеющий проявлять жалость и всепрощение*. В русском языковом сознании есть такая неочевидная синонимия *любить* равно *жалеть*. *Жалеть, любить, прощать* – классический набор женских качеств нашего национального характера. Мы часто говорим: *она – добрая женщина* (жалует неудачников, тех, кто попал в беду, оступившихся). *Она добрая женщина, он / она добрый человек* (с немаркированным полом в слове *человек*) – нормальное словоупотребление, но что-то не то во фразе *Он добрый мужчина*¹ – национальный стереотип мужской доброты у нас несколько иной, в сознании мужчины мир четко разделен на свой / чужой и разнонаправленное всепрощающее добро разрушало бы его образ каменной стены (за мужем как за каменной стеной).

Важно, что понятия добра, доброты являются важнейшими, этически маркированными для русского языкового сознания, в котором всегда высоко ценилось апрагматичное действие, направленное во благо другому, а не себе. Люди, бескорыстно помогающие, предпочитающие сто друзей ста рублям, одобряемы, именно через бескорыстное действие, доброту и сострадание обнаруживается в человеке душа, апрагматичная и вечная его часть. Но не без «перевертыша», имеющего библейскую подоплеку – «Благими намерениями вымощена дорога в ад», или в обыденной мудрости – «Не делай хорошо, чтобы не было плохо». Применительно к русскому сознанию здесь интересно, что библейская мудрость системно понимается неверно, указывая на страдания добряка, идущие от черной неблагодарности людей, в то время как в оригинале ад предусмотрен как раз для объекта благодеяния, которому навязываются представления о добре благодетеля, совершенно негодные для страждущего. Амбивалентность здесь еще и в онтологической связи доброго и злого: из двух братьев, широко разгуливающих по просторам индоевропейского мифа, один всегда плохой, а другой хороший (Каин и Авель, и др.). Векторы их потенции, конечно же, разнятся, но это не мешает им оставаться на положении родственников, другими словами, они все равно встречаются, соединяются в некой символической точке, пускай и ретроспективно.

Рассмотрим семантику русского слова *зло*. Оно этимологически связано с древнерусским *зълъ* – плохой, дурной, низкий, *зълъ* – зло, беда, грех, а также *зълъба* – грех, порок, вражда. За этим славянским корнем стоит индоевропейское понятие со значением «изгибаться, кривиться, изворачиваться» [Фасмер, 1995. С. 139]. Интересный аспект значения, противопоставляющий *зло* также *правде, правильности, прямоте, правоте*. Кривизна ведь находится совсем рядом с *левизной, леваком, чем-то незаконным* (см. *кривой договор, левый заработок* и пр.).

Злой первоначально означало «недоброжелательный, проникнутый враждой, ненавистью, желанием мучить», и это прилагательное (а не существительное) было основным в гнезде. *Злой* де-факто равнялось *враг*. Значение стало абстрактным тогда же, когда случилось

¹ Использование слова «добрый» со словом «человек» (в контексте «он – добрый человек») или со словом «люди» (в контексте «люди доброй воли») не чувствует на себе этого ограничения, в силу того что «человек» и «люди» – понятия, не маркированные половой принадлежностью.

и окончательное абстрагирование *добра*. При всей парадоксальности факта оформление отдельного понятия произошло лишь с началом распространения атеистического мировоззрения и его укоренением, в силу возникшей необходимости формулировать нравственно-этические установки без обязательного до того обращения к догматам православия.

Понятия *добра* и *зла* очевидно симметричны: *добро*, как мы видели, – это то, что полезно, нужно, хорошо для человека, а *зло* – это то, что для него вредно, дурно, плохо, *добро* связано с нажитым добром, с богатством, *зло* – с враждой, войной и, таким образом, с растратой, бедностью, нищетой. *Добро* эволюционировало, и в результате процесса абстрагирования это понятие стало обозначением наивысшей нравственной добродетели, в то время как *зло* стало его полной противоположностью – наивысшим пороком. Дооформление понятий было связано с олицетворением, за всем *добром* мира стоит Господь, который абсолютно благ. За *злом* – сатана, дьявол, бес, которые абсолютно злонамеренны.

У славян в мифологии есть история, дающая сюжетные корни понятиям *добра* и *зла*: серая утка (один из спутников древнеславянского бога Рода) была отправлена на поиски земли, нашла ее, обжилась, свила гнездо и отложила в него яйца – Явь и Навь (Явление и Навет). Из яиц вылупились птенчики, подросли и полетели по всему свету разносить *добро* и *зло*, а потом эти птички тоже снесли яйца, снова Явь и Навь, и так и пошло по миру хорошее и плохое [Славянская мифология..., 1995].

Говоря о зле нельзя не сказать о славянском божестве, зле вселенском – Марухе (Маре, от нее *мор*, *мрак*). Мара – ночное божество. Под покровом темноты она творит свои злые дела. Пещеры, рывины, болота – там она прячется, как и бес, мелкий и крупный (отсюда выражение *Бес попутал* или возглас *Черт!*, именно так мы обозначаем причину невезения или неудачи). *Темные дела* – злые дела. *От него повеяло холодом*, холодные люди часто злые; душа горяча, душа горит, а добро светит. К древним мифологическим персонажам этого ряда относятся также и *злыдни* (слово, употребляемое до сих пор). Это – вредоносные домовые духи, *недоля*, *беда*. *Злыдни* активны, *доля* пассивна и касается только материального благосостояния. *Злыдни* портят *долю*, как мыши сыр. Иногда *злыдней* описывали как стариков-нищих, поэтому нищих принято было бояться и гнать отовсюду, не дай Бог поселится – будет беда.

В современном русском языке слово *зло* имеет следующую сочетаемость:

- принести, причинить, сделать зло, держать зло на кого-либо; срывать зло на ком-то, носить в себе зло;
- посеять зло, корень зла, зло укореняется, дает всходы;
- выбрать из двух зол меньшее, великое зло, большое зло;
- неизбежное, безусловное, мировое зло;
- зло одерживает верх, побеждает, силы зла,
- отойти от зла, познать зло;
- торжество зла, империя зла, оплот зла.

Из приведенной сочетаемости мы отчетливо видим такую его метафорическую конкретизацию:

- 1) растение, сорняк;
- 2) среда;
- 3) ограниченная территория (*отойти от зла*);
- 4) войско (силы, империя).

В языке мы не находим прямых подтверждений, но в реальности есть много подтверждений связи зла с ночным солнцем – луной. Славянские мифы, как мы видели, связывали зло с ночью, темнотой. Отрицательное настороженное отношение человека к темноте и к светилу ночи имеет место и теперь: темное время суток большинством людей по-прежнему считается временем «темных сил» как вполне земного генезиса (усиление преступности в ночные часы, ночные страхи и страх ночных «прогулок»), так и мифологического с его оборотнями, упырями и лунатизмом.

Соответственно и ощущение холода, вызываемое сопутствующим чувством страха, косвенно указывает, по нашему мнению, на то, что он возник и закрепился в генетической памяти как производное от ощущения зла, от столкновения с врагом, от тех опасностей, что так сильны ночью. Постулируемая здесь связь зла с холодом просматривается, например, в обра-

зе Снежной королевы и в метафоре «вместо сердца кусок льда». Здесь появляется возможность провести еще одну ассоциацию – физиологическую: холод снижает порог чувствительности человека вплоть до ее полной потери, и зло пользуется этим, подталкивая его к безнравственным действиям, т. е. сталкивая с прямого пути.

Обоснованно также предположить, что семантика бесчувственности проецируется далее на выражения «холодный прием» (т. е. *недоброжелательный, отстраненный*) и «темные дела» (т. е. *нечестные, зловерные*).

Тот же метафорический механизм позволяет, как мы полагаем, «перебросить мостик» и к значению и внутренней форме слова *кривотолки* – т. е. к разговорам, не только искажающим правду / истину, но и имеющим зловерную цель. Он реализуется, однако, при участии в качестве промежуточного звена слова *кривда*, о чем будет сказано подробнее далее.

Человек может быть воплощением зла, его адептом, но в современной картине мира зло мыслится как вполне самостоятельное начало. Вот контекст, и он корректен: «*своим бесконечным добром он доказал...*» или «*его добро, добро, которое от него исходило, было сильнее...*». Аналогичные контексты со словом *зло* не корректны. Показательно также, что в русском языке слово *зло* не имеет множественного числа в именительном падеже, но имеет его в родительном и может мыслиться множественно (мы *выбираем из двух, трех, пяти зол наименьшее, наибольшее, среднее*). Из примеров видно, что *зло* различается также и по качеству, и по размеру, в то время как *добро* едино и не разнится по характеристикам. Может быть, поэтому, сочетаемость слова *добро* с прилагательными бедная, тогда как у его антонима *зло* она богатая. Речевая прагматика слова *зло* не получила еще в русском языке достаточно подробного описания, однако само название этого слова вызывает достаточно сильный ряд имплицитных ассоциаций, о которых мы писали. *Добро* действует, борется, *зло* побеждает, проигрывает, наказано. При этом *зло* нередко «результативнее» в некоем общепринятом публичном смысле, позволяя если не прославиться, то приобрести известность.

Идея вражды, этимологически присущая этому понятию, по-прежнему актуальна: *держать зло на кого-то* значит таить его в себе, испытывать к кому-то злобу, а *срывать на ком-то зло* четко указывает на тот факт, что ошибка и зло «ходят совсем рядом». *Срывать* здесь связано с идеей, выраженной в глаголе *срываться*, т. е. неправомерно давать волю своим негативным эмоциям (когда *бес попутал*).

Таким образом, мы видим, что *зло* функционирует несколько иначе, чем *добро*, при выраженной антонимической симметрии этих понятий.

Французские представления о добре и зле

Французские понятия о добре и зле имеют существенные отличия. Обратимся к анализу этих понятий.

Существительное *bien* (п. м.) зафиксировано во французском языке в X в. и произошло от латинского наречия *bene* (прилагательное *bonus*, наречие *bien* – хорошо; ср. русское *дать добро* – согласиться, сказать: «хорошо»). *Bien* встречается по преимуществу в христианских текстах в значении ‘все, что справедливо, похвально, достойно’ (*les gens de bien*). С XI в. *un bien, des biens* означает также *богатство, собственность*. Мы видим, что до определенного момента два понятия имеют сходное развитие, обусловленное христианским контекстом.

В современном французском языке значение этого слова такое:

1. Благоприятное, то, из чего можно извлечь выгоду, то, что полезно для достижения поставленной цели;
2. Богатство, собственность;
3. Моральная ценность, то, что справедливо и честно [Dictionnaire général de la langue française, 1971–1978].

Уже тут мы видим разницу с русским понятием и даже противопоставление по ряду признаков. Прежде всего в русском языковом сознании у этого понятия нет ассоциации с выгодой, пользой, богатством, а скорее наоборот, есть ассоциация с бедностью.

Первые два значения французского слова имеют такие синонимы: *avantage, bénéfice, intérêt, profit, satisfaction, service, utilité*.

Второе – такие: *capitale, domaine, héritage, propriété, richesse*.

Теперь уже нет сомнений: да, сегодняшнее французское *добро* прагматично и корыстно.

Третье значение французского *добра* лежит в моральной плоскости: *devoir, idéal, perfection, charité* – но это скорее уточнение, классификация благотворительного действия. Французский менталитет с четырех сторон обрамляет понятие, разграничивает пространство вокруг него.

Французское *добро* чаще всего употребляется в первом и втором значениях, третье значение маргинально или используется в узкоспециальном морально-этическом контексте религиозных и философско-этических текстов.

Расширяя круг ассоциаций, мы можем поместить это слово в линейку с *fortune* и *occasion*, что еще отчетливее маркирует его связанность с материальной сферой жизни. *Fortune* покровительствует предприимчивому, *occasion* предоставляет возможность, а *bien* – это то, что результирует из усилий *fortune* и удачных *occasions*. *Bien* – это то, что получает человек, когда богиня обогащения потворствует ему, а случай помогает ему сберечь деньги.

Мы видим, что семантика этого понятийного гнезда, которая коренится в ментальности античного человека и восходит к его представлениям о фортуне, удаче и случае, существенно повлияла и на образ добра, отдалив его от православных трактовок.

Сочетаемость слова *bien* скудна, высшей силе или абсолюту его не уподобляет.

У слова *bien* в третьем значении такая сочетаемость: *discerner le bien du mal, faire le bien, pratiquer, poursuivre, rechercher le bien, tendre vers le bien rendre le mal pour le bien*. С прилагательными не сочетается, а отсюда вывод: *bien* не характеризуется качественно. Глагольная же сочетаемость подчеркивает прагматику, о которой мы писали выше.

Контекст *rendre le mal (le bien) pour le bien (le mal)* позволяет усмотреть, как и в глаголах практического действия, употребляемых с *le bien*, овеществление. Отличие русского *добра* от французского *bien* отчетливо видно еще и через дериваты *bon, bonne* и *la bonté*. Перевод на французский фразы *она добрая / он добрый* – трудная задача, наивный и непродвинутый спикер легко сядет в лужу, сказав: *elle est bonne*, что означает «она простовата». Вспомним далевское замечание об устаревшем русском толковании доброты, восходящем к юродству, и отметим, что ни и та, ни другая культура «не пожелали» оставить этот смысловой оттенок в своем активе.

Обычные русские эпитеты «добрый, хороший» плохо ложатся на французский менталитет и кажутся чуждыми французской культуре. Вместо них говорят конкретно: *il est gentil, sympa, chaleureux*. Французское *la bonté* (n.f.) – эквивалент русской *доброты*, но слово это из письменного языка, в живой речи малоупотребительно. В литературном языке в ироническом употреблении у этого слова часто проступает негативный смысловой оттенок: *faire qch par bonté d'âme* или *de cœur* означает «проявить жадность, скупость».

Когда французы действуют бескорыстно, они любят точность, дифференцируя понятия: *altruisme, indulgence, miséricorde* – так они будут обозначать свои проявления.

Любопытно, что перевести на французский «он, она добрее, чем...» очень сложно. А точнее, без ресурса синонимии, описанной выше, обойтись никак нельзя.

Итак, мы показали, сколь глубоко различия между французским понятием *bien* и русским понятием *добро*. Мы видим также, что *le bien* в образном аспекте не разработано, оно скорее предметно и пассивно. Мы можем также констатировать, что это понятие низкочастотно в употреблении, не является важной составляющей бытового сознания, определяющей этику его введения в речь. Отсюда, вероятно, идет восприятие французов русскими как людей холодных и расчетливых, не увлекающихся бескорыстными формами человеческого взаимодействия. Для русской картины мира существенное значение имеет установка «не имей сто рублей, а имей сто друзей», а все апрагматичное наделяется особой ценностью.

Французское понятие *зла*, выражаемое словом *le mal*, более понятийно и образно разработано, чем его антоним. *Le mal* – древний религиозный термин, прочитываемый во многих индоевропейских формах, образован от латинского прилагательного *malus* (впервые зафиксировано во французском источнике в 881 г.) – «плохой, зловещий, злой».

Существительное *le mal* образовано через субстантивацию прилагательного. *Mal* с первых же текстов обозначало понятие морально-этического ряда, антоним *bien* (в третьем значении). Оно употреблялось в христианских текстах, от него произведено имя дьявола

(*Le Malin*). В XI–XII вв. появляются другие известные сегодня значения этого слова – *болезнь* и *боль*, не входящие в гнездо значений русского слова *зло*. В XVII в. *faire le mal* означало *грешить*. В светских контекстах слово *mal* встречалось в уже цитировавшемся выражении *donner le mal pour le bien*.

В современном французском языке слово *le mal* имеет следующие значения:

- 1) то, что причиняет боль, огорчение, несчастье; то, что плохо, вредно, тяжело для кого-то;
- 2) страдание, физическое недомогание;
- 3) болезнь;
- 4) моральная боль;
- 5) то, что противоположно моральному закону, добродетели, добру;
- 6) абсолютное значение: все, что противоположно, противостоит добру [Dictionnaire général de la langue française, 1971–1978].

Анализ значения слова *le mal* показывает, что во французском языке одним и тем же словом обозначается боль душевная и физическая. Это свидетельствует о том, что душевная боль опосредуется через орган наивной анатомии – душу, и мыслится конкретно. Утрачен прагматический аспект значения, присутствовавший в слове *le bien*, универсальность и древность этого понятия вытесняет конкретику. Это отчетливо видно в библейских выражениях: *l'arbre de la science du Bien et du Mal, par delà le Bien et le Mal, le monde partagé entre le Mal et le Bien etc.* Показательно в контексте данной статьи, что абсолютное значение слова *le mal* Le Robert дает последним, а это – маркер его малоупотребительности. Но вторичная конкретизация понятия отчетливо видна из сочетаемости:

- *couper le mal à sa source, couper le mal, attaquer le mal à la racine, extirper le mal, tarir la source du mal, le mal a des ailes, le mal vient à cheval et s'en retourne à pied;*
- *réparer dénoncer, enrayer, un mal; être enclin au mal;*
- *le mal triomphe, règne.*

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *le mal* оформляется образно как

- 1) растение со стеблем, которое можно выдернуть и срезать;
- 2) ручей, источник с устьем;
- 3) хтоническое существо, сочетающее в себе связанные с землей архетипические черты: хвост, крылья, яд. Образ летающей рептилии, дракона с налитым ядом жалом очевидным образом связывает его с глубокой древностью [Smith, 1919].

Таким образом, зло во французском языке способно одушевляться, оно может царить и побеждать и подпитывается земными соками из некоего глубокого источника. В этих представлениях о нем мы видим много общего с образом дьявола, в имени которого, как мы уже писали, присутствует та же корневая основа.

Коннотация, связанная с образом растения, легла в основу метафоры *les fleurs du mal*, созданной Ш. Бодлером и укоренившейся в языке. Она подкрепляется также латинским выражением *Mala herba cito crescit*.

Важно, однако, уточнить, что во французском миропонимании представления о добре и зле развиваются исключительно в области философско-религиозных исканий, не захватывая в свою орбиту обыденное профанное сознание, которое склонно в этом случае обращаться к более конкретным понятиям.

Итак, подведем итоги.

Во французском обыденном сознании понятие, эквивалентное русскому *добру*, а также и *доброте*, – иное. Это опять же связано с особенностями отношения к понятию и этической оценке бескорыстного действия. Налицо конфликт христианской и обыденной картин мира, в обыденном сознании более активными оказываются идеи, связанные с прагматическим успехом, и понятие *добра* выглядит поэтому в православной перспективе несколько «ущемленным». Это подтверждается также наличием особых «французских» смыслов, обнаруживающихся в словах *fortune, occasion, vérité*. Эпитеты, характеризующие поведение человека с точки зрения нравственной категории добра (*добрый, хороший*), также имеют свою специфику: на наш взгляд, они описывают не идеальную суть категории, а социально значимые ее проявления. Мы предлагаем связать это различие двух ментальностей с восхождением понятий *добра* и *зла* к принципиально разным истокам.

Во французском менталитете преобладает приверженность античным ценностям. Эти ценности состоят в поклонении логической целесообразности, практичности, благу. У нас не так: мы наследники и носители православной этики, наша молодая светская культура, не более чем трехвековая, ничего православию противопоставить не смогла. Мы не переживали многократного ренессанса былых ценностей, мы не видели возрождения эпического и мифологического субстрата, как это было в Европе. Фольклор пришел в нашу письменную культуру только в XIX в., в то время как в Европе все эти пласты активно «работали» на мировоззрение с эпохи Ренессанса. Русская картина мира во многих своих проявлениях исповедует сознание не конкурентное, а мировое, в котором процветают понятия *добра, любви и дружбы*. Мы ценим равенство и подобие и с трудом миримся с индивидуализмом, связанным с идеей успеха кого-то одного в ущерб другим.

По основным признакам французские понятия добра и зла могут быть охарактеризованы следующим образом:

Базовые признаки	Ментальность	
	русская	французская
ДОБРО / BIEN		
Источник	Не известен	Лат. <i>хорошо</i>
Актуальные взаимосвязи	Бескорыстие	Корысть (деньги, благосостояние)
Образ	Жатва, колос	Нет
Членение ситуации	2 термина: благо, добро (материальное / нематериальное)	1 термин: <i>bien</i> , но означает и зло, и болезнь
Влияние	Христианство	Античность
Человек	Активен: давать, прощать	Пассивен: иметь
ЗЛО / MAL		
Источник	Кривой, враг, Мара	Плохой, дьявол
Актуальные взаимосвязи	То, что хочет причинить вред	То, что мучает
Образ	Сорняк, холод, мрак	Сорняк, дракон
Членение ситуации	1 термин: зло	1 термин: зло
Влияние	Христианство	Христианство
Человек	Активен	Активен

Влияние этих ключевых представлений ощущается во многих смысловых полях и среди самых разнообразных понятий.

Список литературы

- Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты в представлении французов и русских. М., 2009. 402 с.
- Даль В. Толковый словарь: В 4 т. М., 1955. 2720 с.
- Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 174–176.
- Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. 234 с.
- Кузнецов Б. Г. Эволюция картины мира. М., 1961. 352 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995. 488 с.
- Славянская мифология (энциклопедический словарь). М., 1995. 512 с.
- Уемов А. И. Истина и пути ее познания. М., 1985. 88 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2004. Т. 3. 830 с.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. 624 с.

Штернберг Л. Я. Античный культ близнецов в свете этнографии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 603 с.

Dictionnaire général de la langue française / Dir. par A. Hatzfeld, A. Darmesteter, M. A. Thomas. Paris, 1971–1978.

Griffith J. The Human Condition. Sidney: WTM Publishing and Communications Pty Ltd, 2011. 803 p.

Smith G. E. The evolution of the dragon. Manchester, 1919. 234 p.

Материал поступил в редколлегию 01.03.2018

Maria K. Golovanivskaya

*Lomonosov Moscow State University
1/13-14 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

golovanivskaya@gmail.com

ABSOLUTES IN NATIONAL VIEWS OF THE WORLD: REPRESENTATIONS OF FRENCH PEOPLE AND RUSSIANS ABOUT GOOD AND EVIL / RIGHT AND WRONG

The article is devoted to a contrastive analysis of the categories of good and evil / right and wrong in the French and Russian mentality. These notions belong to the basic worldview categories. In the formation of these concepts, mythological substrata, philosophical systems of different epochs, and religious doctrines also take part. The result of the study shows that the Russian conception of good and evil was mostly influenced by Christianity, while the French one -- by the antiquity. This determines the characteristics of all the concepts derived. The most striking differences between the French mentality and the Russian one are seen in the analysis of a concept that sounds like *good (dobro)* in Russian. In the French ordinary consciousness, it is quite different (as well as kindness). We associate this fact with the specific interpretation in the French culture of the concept of disinterested action. Undoubtedly, it is present in the French mind, due to Christian principles, but in everyday consciousness the ideas connected with pragmatic activity aimed at human prosperity (good) turn out to be more prominent. This is confirmed not only by the infringement of the concept of good in the French language, which is seen in compatibility, but also by special meanings, which appear in the *fortune, occasion, vérité*, accentuating the good. Epithets characterizing human behavior from the point of view of this particular moral category («good, kind») are also replaced by epithets that describe not the essence of temper but socially significant manifestations of it. We associate this difference between two cultures with the ascent of these concepts to fundamentally different origins.

Keywords: binary myth, language history, Christianity, antiquity, mentality.

References

- Dal V. Tolkovyi slovar' [Dictionary]. In 4 vols. Moscow, 1955. 2720 p. (in Russ.)
- Dictionnaire général de la langue française. Dir. par A. Hatzfeld, A. Darmesteter, M. A. Thomas. Paris, 1971–1978.
- Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]. Moscow, Astrel', 2004, vol. 3, 830 p. (in Russ.)
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1983, 840 p. (in Russ.)
- Griffith J. The Human Condition. Sidney, WTM Publishing and Communications Pty Ltd, 2011, 803 p.
- Ivanov S. A. Vizantiiskoe yurodstvo [Byzantine foolishness for Christ]. Moscow, 1994, 234 p. (in Russ.)
- Ivanov V. V. Bliznechnye mify [Twins in mythology]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya [Myths of nations: Encyclopedia]*. Moscow, 1980, vol. 1, p. 174–176. (in Russ.)

Kuznetsov B. G. Evolyutsiya kartiny mira [Views of world evolution]. Moscow, 1961, 352 p. (in Russ.)

Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov [New explanatory dictionary of synonyms]. Moscow, 1995, 488 p. (in Russ.)

Shternberg L. Ya. Antichnyi kul't bliznetsov v svete etnografii [Antique cult of twins in terms of ethnography]. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [Primitive religion in terms of ethnography]. Leningrad, 1936, 603 p. (in Russ.)

Slavyanskaya mifologiya (entsiklopedicheskii slovar') [Slavic mythology (encyclopedia dictionary)]. Moscow, 1995, 512 p. (in Russ.)

Smith G. E. The evolution of the dragon. Manchester, 1919, 234 p.

Uemov A. I. Istina i puti ee poznaniya [Truth and ways of knowing it]. Moscow, 1985, 88 p. (in Russ.)

For citation:

Golovanivskaya Maria K. Absolutes in National Views of the World: Representations of French People and Russians about Good and Evil / Right and Wrong. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 77–87. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-77-87